Annotation

- Лион Спрэг де Камп
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5

Лион Спрэг де Камп
Лин Картер
ПРОКЛЯТИЕ МОНОЛИТА

После событий, описанных в «Городе черепов», Конана повысили в туранской армии до звания командира. Растущая слава о нем как о непобедимом воине и человеке, на которого можно положиться в трудную минуту, не привели его к легкой работе с большим жалованьем. Наоборот, военачальники короля Йилдиза стали выбирать для него особо опасные задания. Один из таких походов привел его за тысячи миль на восток, в легендарный Кхитай.

1

Отвесные уступы темных скал смыкались вокруг Конана Киммерийца как стены ловушки. Ему не нравилось, как их торчащие пики темнели на фоне нескольких слабых звезд, которые сверкали словно глаза пауков над небольшим лагерем, расположившемся на плоском дне равнины. Не нравился ему и холодный неприятный ветер, который свистел в каменных вершинах и подкрадывался к огню. Он заставлял пламя наклоняться и дрожать, отбрасывая чудовищные черные тени, которые извивались на грубых каменных стенах ближнего края равнины.

На другой стороне лагеря колоссальные секвойи, которые были старыми уже в те времена, когда восемь тысяч лет назад скрылась в волнах Атлантида, вздымались над чащами бамбука и зарослями рододендрона. Из леса извилисто бежал ручеек, журчал возле лагеря и снова скрывался в лесу. Над головой сквозь вершины утесов проплывал слой дымки или высокого тумана, в котором тусклые звезды тонули, а более яркие, казалось, плакали.

Здесь, думал Конан, почему-то веет страхом и смертью. Он почти мог услышать резкий запах ужаса в дуновениях ветра. Лошади тоже чувствовали его. Они заунывно ржали, рыли копытами землю и выпучивали белые глаза в темноту за кругом света от костра. Животные были близки к природе. Таким был и Конан, молодой воин-варвар с суровых Киммерийских холмов. Как и у него, их чувства были более тонко настроены на ауру зла, чем чувства выросших в городе людей, таких, как туранские воины, которых он привел в эту пустынную долину.

Солдаты сидели у огня и делили между собой остатки сегодняшней порции вина из бурдюков. Некоторые смеялись и похвалялись любовными подвигами, которые они совершат в шикарных публичных домах Аграпура по возвращении домой. Другие, уставшие от длинного и тяжелого дневного перехода, сидели молча, глядя в огонь и позевывая. Скоро они будут устраиваться на ночь, закутываясь в свои толстые накидки. Положив головы на переметные сумы, они лягут в свободном круге у шипящего огня, оставив двух человек стоять на страже с готовыми к бою мощными гирканскими луками. Они совсем не ощущали зловещей силы, которая парила над долиной.

Стоя спиной к ближайшей огромной секвойе, Конан плотнее обернул вокруг себя накидку, чтобы защититься от сырого ветра с вершин. Хотя его

воины были крепко сложенными могучими мужчинами, он был выше самого высокого из них на пол-головы, а от сравнения с его огромными плечами все они казались тщедушными. Его ровно подстриженная черная грива выбивалась из-под края витого как тюрбан шлема, а в глубоко посаженных на покрытом шрамами лице голубых глазах отражались красные отблески от света костра.

Погруженный в один из своих приступов меланхолии, Конан клял про себя короля Йилдиза, благожелательного, но слабого туранского монарха, который послал его в этот поход, не предвещавший ничего доброго. Прошло уже больше года с тех пор, как он дал клятву верности королю Турана. Шесть месяцев назад ему посчастливилось завоевать благосклонность этого короля; с помощью своего друга Джумы Кушита, такого же наемника, он спас дочь Йилдиза Зосару от безумного бого-короля Меру. Он вернул принцессу более или менее невредимой ее жениху, хану Куджале из кочевой куйгарской орды.

Когда Конан вернулся в сверкающую столицу Йилдиза — Аграпур, он встретил монарха довольно щедрым в благодарности. И его, и Джуму повысили в звании до командиров. Но, в то время как Джума получил желанный пост в королевской гвардии, Конана наградили еще одной трудной и опасной миссией. Теперь, вспоминая эти события, он горько размышлял о плодах успеха.

Йилдиз доверил киммерийскому гиганту письмо к королю Шу из Кузана, крохотного королевства в западном Кхитае. Во главе сорока бывалых воинов Конан совершил огромный путь. Он пересек сотни лиг суровой гирканской степи и обогнул подножия вздымающихся ввысь гор Талакма. Он пробрался сквозь ветреные пустыни и болотистые джунгли на границе таинственного королевства Кхитай, самой восточной земли из всех, о которых слышал западный человек.

Прибыв, наконец, в Кузан, Конан нашел почтенного и философствующего короля Шу великолепным хозяином. Пока Конан и его воины были заняты экзотической едой и напитками, а также услужливыми наложницами, король и его советники решили принять предложение короля Йилдиза о договоре дружбы и торговли. Поэтому мудрый старый король вручил Конану великолепный свиток из золотого шелка. На нем были начертаны корявыми иероглифами Кхитая и благородно наклоненными буквами Гиркании официальные ответы и приветствия кхитайского короля.

Кроме шелкового кошелька, набитого кхитайским золотом, король Шу дал Конану в проводники до самых западных границ Кхитая одного из

своих знатных вельмож. Но Конану не нравился этот проводник, этот герцог Фенг.

Кхитаец был худым, изящным, фатоватым человечком с тихим шепелявым голосом. Он носил фантастические шелковые одежды, которые не подходили к суровым условиям походной жизни, и щедро окроплял свою утонченную особу духами. Он ни разу не испачкал своих рук, мягких, с длинными ногтями на пальцах, головешками из костра; напротив, он держал двух слуг, которые день и ночь поддерживали его комфорт и достоинство.

Конан смотрел свысока на привычки кхитайца, испытывая к нему мужское презрение настоящего варвара. Раскосыми глазами и мурлыкающим голосом герцог напоминал ему кота и он часто говорил себе, что от этого князька надо ждать предательства. С другой стороны, он втайне завидовал кхитайцу, его утонченным манерам и непринужденному обаянию. От этой зависти герцог возмущал Конана еще больше, так как, несмотря на то, что служба в Туране немного отполировала Конана, в сердце он по-прежнему оставался простоватым невоспитанным молодым варваром. Ему следовало быть осторожным с этим маленьким хитрым герцогом Фенгом.

2

— Не потревожил ли я глубокие раздумья благородного командира? — промурлыкал тихий голос.

Конан вздрогнул и схватился за рукоятку своей сабли, но узнал герцога Фенга, закутанного до подбородка в огромную бархатную накидку цвета зеленого горошка. Конан чуть было не сорвалось презрительное ругательство, но вспомнив о своих обязанностях посланника, он перевел проклятие в официальное приветствие, которое даже для его ушей прозвучало неубедительно.

— Может быть, царственный полководец не может уснуть? — пробормотал Фенг, делая вид, что не заметил нелюбезности Конана. — Фенг свободно говорил на гирканском языке. Это была одна из причин, по которым его послали сопровождать отряд Конана, потому что знание Конаном певучего кхитайского языка можно было назвать разве что поверхностным. Фенг продолжал: — Эта особа является счастливым обладателем наилучшего лекарства от бессонницы. Талантливый аптекарь составил его для меня по старинному рецепту: отвар бутонов лилии, измельченных с корицей и семенами мака…

— Нет, это совсем другое, — проворчал Конан. — Благодарю Вас, герцог, но это все из-за этого проклятого места. Какое-то жуткое предчувствие не дает мне уснуть, хоть я, после долгого дневного перехода, должен был бы утомиться как юноша после первой ночи любви.

В лице герцога что-то мелькнуло, — он будто поморщился от незрелости Конана, — или это был всего лишь отблеск костра? Как бы то ни было, он учтиво ответил:

— Мне кажется, что я понимаю опасения великолепного командира. Такие беспокоящие чувства неудивительны в этой… э-э… преисполненной легенд равнине. Здесь погибло много людей.

— Битва, а? — проворчал Конан.

Узкие плечи герцога встрепенулись под зеленой накидкой.

— Нет, ничего подобного, мой героический западный друг. Недалеко от этого места находится могила древнего короля моего народа — короля Ся Кузанского. Он приказал обезглавить всю свою королевскую стражу и похоронить головы вместе с ним, чтобы души солдат продолжали служить ему в другом мире. Бытующее у нас предание однако гласит, что призраки стражников ходят дозором из одного конца долины в другой. — Без того

тихий голос стал еще тише. — Легенда, кроме того, утверждает, что с ним были захоронены огромные сокровища — золото и драгоценные камни; и этой сказке я склонен верить.

Конан навострил уши.

— Золото и драгоценности, да? А кто-нибудь нашел его, это сокровище?

Кхитаец какое-то мгновение искоса смотрел на Конана испытующе. Потом, как бы приняв для себя какое-то решение, он ответил:

— Нет, господин Конан; потому что точное местонахождение клада неизвестно никому — за исключением одного человека.

Интерес Конана теперь стал совершенно очевидным.

— Кого? — грубо спросил он.

Кхитаец улыбнулся.

— Меня, недостойного, конечно.

— Кром и Эрлик! Если Вы знали, где спрятано это сокровище, почему же Вы его до сих пор не выкопали?

— Моих людей преследуют суеверные страхи по поводу проклятия, наложенного на место могилы старого короля, которое помечено монолитом из темного камня. Поэтому я никогда не мог никого уговорить помочь мне добыть сокровища, место укрытия которых знаю только я.

— А почему Вы не сделали все сами?

Фенг развел свои маленькие ручки с длинными ногтями.

— Мне нужен был верный помощник, чтобы охранять мою спину от любого тайного врага, человека или зверя, который мог бы приблизиться ко мне, пока я был бы поглощен созерцанием сокровищ. Более того, понадобится приложить усилия чтобы выкопать, поднять и заполучить богатства. У такого господина как я, не хватит мышц для такой грубой физической работы.

А теперь послушайте, досточтимый сэр! Этот человек вел славного командира через эту долину не по стечению обстоятельств, а с умыслом. Когда я услышал, что Сын Небес хочет, чтобы я сопровождал храброго полководца на запад, я с рвением ухватился за это предложение. Этот поход пришел как истинный дар божественных чиновников на Небесах, поскольку Вы, хозяин, обладаете мускулами трех обычных людей. И, будучи иноземцем, рожденным на западе, Вы, естественно, не разделяете суеверных страхов нас, жителей Кузана. Прав ли я в своем предположении?

— Я не боюсь ни бога, ни человека, ни дьявола, — проворчал Конан, — а менее всего — призрака давно умершего короля. Продолжайте, лорд Фенг.

Герцог подсел ближе, а его голос превратился в едва различимый шепот.

— Тогда вот мой план. Как я Вам уже говорил, этот человек вел Вас сюда, потому что я думал, что Вы можете быть тем, кого я искал. Для такого как Вы задача будет простой, а в моей поклаже есть инструменты для копания. Отправимся прямо сейчас и через час мы будем богаче, чем любому из нас могло присниться!

Соблазняющий мурлыкающий шепот Фенга пробудил в варварском сердце Конана страсть к добыче, но остатки предосторожности не позволили Киммерийцу дать немедленное согласие.

— А почему бы нам не взять на помощь несколько моих солдат? — прорычал он. — Или Ваших слуг? Наверняка нам понадобится помощь, чтобы принести сокровища в лагерь!

Фенг покачал своей гладкой головой.

— Нет, славный союзник! Сокровища состоят из двух небольших шкатулок самородного золота, каждая из которых набита необычайно редкими и ценными каменьями. Каждый из нас может нести счастливую ношу княжества, но зачем делить это сокровище с другими? Поскольку это только моя тайна, мне по праву принадлежит половина. Но если Вы столь расточительны, чтобы поделить свою половину между сорока своими воинами… впрочем, это Вам решать.

Больше убеждать Конана следовать плану герцога Фенга не потребовалось. Жалованье солдат короля Йилдиза было скудным и обычно запаздывало. В уплату за свою суровую службу в Туране Конан получил много пустых слов похвалы и маленькую ценную монетку.

— Я пойду за инструментами, — пробормотал Фенг. — Мы должны выйти из лагеря раздельно, чтобы не вызвать подозрений. Пока я буду распаковывать снаряжение, наденьте кольчугу и возьмите оружие.

Конан помрачнел.

— Зачем мне оружие, — чтобы выкапывать ящик?

— О, достойный сэр! В этих горах немало опасностей. Здесь бродят ужасные тигры, свирепые леопарды, медведи, вспыльчивые дикие быки, не говоря уже о племенах примитивных охотников. Поскольку кхитайский дворянин не тренирован в использовании оружия, Ваше могущество должно быть готово сражаться за двоих. Поверьте мне, благородный полководец, я знаю, о чем говорю!

— Ну ладно, — прорычал Конан.

— Превосходно! Я знал, что такой высший разум как Ваш увидит силу моих аргументов. А теперь мы расстанемся, чтобы встретиться снова в

долине когда взойдет луна. Это произойдет часа через два, поэтому у нас будет достаточно времени для нашей встречи.

3

Ночь становилась все темней, а ветер холодней. Все мрачные предчувствия опасности, которые Конан испытал, когда вошел в эту забытую долину на рассвете, вернулись с новой силой. Молчаливо сопровождая миниатюрного кхитайца, он бросал воинственные взгляды в темноту. Крутые каменные стены сужались с двух сторон, пока не стало едва хватать места, чтобы пройти между скалой и берегами потока, который сбегал, журча, из долины у их ног.

Позади них в туманном небе, где черные вершины утесов вонзались в небосвод, появилось зарево. Оно становилось все ярче, пока не превратилось в жемчужное мерцание. Стены, окружавшие долину, исчезли с обеих сторон и двое мужчин пошли по зеленой лужайке, которая расширялась в обе стороны. Поток свернул направо и, журча, скрылся из виду в берегах, поросших папоротником.

Когда они вышли из долины, полумесяц поднялся над утесами у них за спиной. В дымке казалось, будто наблюдающий видит его из-под воды. Бледный, иллюзорный свет этой луны освещал небольшой круглый холм, поднимающийся над лужайкой прямо перед ними. За этим холмом в водянистом лунном свете вставали темные, покрытые лесом холмы с крутыми склонами.

Когда луна посеребрила холм перед ними, Конан забыл о своих предчувствиях, потому что здесь и стоял монолит, о котором говорил Фенг. Это был гладкий, тускло поблескивающий столб из темного камня, который поднимался над вершиной холма и уходил ввысь до самого тумана, нависшего над землей. Вершина столба напоминала размытое пятно.

Итак, здесь была могила давно умершего короля Ся, точно как говорил Фенг. Сокровища должны быть спрятаны либо прямо под ней, либо рядом. Скоро они определят где именно.

Неся на плече лом и лопату Фенга, Конан с силой рванулся через заросли крепких гибких кустов рододендрона и стал подниматься на холм. Он задержался, чтобы дать руку своему маленькому компаньону. После короткого перехода они достигли вершины склона.

Перед ними из центра слегка выпуклой вершины холма поднимался столб. Конан подумал, что холм — это, возможно, искусственный курган, такой, какие иногда насыпали над останками великих вождей у него на родине. Если сокровища находятся в основании этой кучи, для того чтобы

их открыть понадобится больше одной ночи…

С проклятиями от испуга Конан сжал лопату и лом. Какая-то невидимая сила схватила их и тянула к столбу. Он наклонился в сторону, противоположную столбу, так, что мускулы вздулись у него под кольчугой. Однако, дюйм за дюймом сила притягивала его к монолиту. Когда он увидел, что его притянет к столбу, хочет он того или нет, он отпустил инструменты, которые полетели к камню. Они ударились об него с громким двойным лязгом и крепко прицепились.

Но, выпустив инструменты, Конан не освободился от притяжения памятника, который теперь притягивал его кольчугу точно так же, как до этого лопату и лом. Потрясенного и изрыгающего проклятия Конана хлопнуло о монолит с крушащей силой. Его спина была прижата к столбу, и его предплечья, покрытые короткими рукавами кольчуги. И голова, защищенная остроконечным туранским шлемом, и меж в ножнах на поясе.

Конан боролся, чтобы вырваться на свободу, но понял, что не сможет. Казалось, что невидимые цепи намертво привязали его к темной каменной колонне.

— Что это за дьявольские шутки, предательская собака? — взревел он.

Улыбающийся и невозмутимый, Фенг неспешно подходил к месту, где Конан стоял, пристегнутый к столбу. Неподвластный, казалось, таинственной силе, кхитаец вытащил шелковый шарф из одного из объемистых рукавов своего шелкового одеяния. Он подождал, пока Конан откроет рот, чтобы взреветь о помощи, а затем ловко затолкал скомканный шелк Конану в рот. Пока Конан жевал ткань, маленький человек крепко завязал шарф у него за головой. Теперь Конан стоял, шумно дыша, но молча, и злобно сверкал глазами в сторону учтивой улыбки маленького герцога.

— Извини за хитрость, о, благородный дикарь! — прошепелявил Фенг. — Для того, чтобы заманить тебя сюда одного этот человек должен был придумать какую-то сказку, взывающую к твоей примитивной жажде золота.

Глаза Конана сверкнули вулканической яростью, когда он бросил всю мощь своего сильного тела против невидимых уз, которые держали его у монолита. Это не помогло; он был беспомощен. Струйка пота сбежала по его брови и намочила ткань под кольчугой. Он попытался кричать, но только мычание и бульканье вырвались наружу.

— Поскольку, мой дорогой полководец, Ваша жизнь приближается к своему предопределенному концу, — продолжал Фенг, — было бы невежливо с моей стороны не объяснить мои действия, чтобы ваш низкий

дух мог сойти в ад, каким бы его боги варваров не приготовили для него, с полным осознанием причин вашего падения. Да будет вам известно, что двор его дружелюбного, но глуповатого величества, короля Кузанского, делится на две партии. Одна из них, партия Белого Павлина, приветствует контакты с варварами Запада. Другая, партия Золотого Фазана, испытывает отвращение к любым отношениям с этими животными; я, конечно, являюсь одним из самоотверженных сторонников Золотого Фазана. Я бы с желанием отдал свою жизнь за разрушение вашего так называемого посольства, чтобы контакт с вашими варварскими хозяевами не загрязнял нашу чистую культуру и не расстраивал нашу предопределенную богом общественную систему.

К счастью, в такой чрезвычайной мере, по-видимому, нет необходимости. Потому что вы здесь, предводитель банды иноземных дьяволов, и вот здесь у вас на шее висит договор, который подписал Сын Неба с вашим неотесанным королем-язычником.

Маленький герцог вытащил из-под кольчуги Конана трубку слоновой кости с документами. Он расстегнул цепь, которая держала ее на шее Конана и засунул ее в один из своих огромных рукавов, добавив со злобной ухмылкой:

— А что касается силы, которая держит вас в плену, я не стану объяснять ее тонкую природу вашим детским мозгам. Достаточно сказать, что вещество, из которого вырублен этот монолит, имеет интересное свойство притягивать железо и сталь с непреодолимой силой. Поэтому не бойся; тебя держит в плену не какое-то дьявольское колдовство.

Конан несколько утешила эта новость. Он однажды видел как фокусник в Аграпуре поднимал гвозди кусочком темно-красного камня и предполагал, что сила, которая держит его, того же сорта. Но, поскольку он никогда не слышал о магнетизме, для него это в равной степени оставалось колдовством.

— Чтобы ты не испытывал ложных надежд о спасении своими людьми, — продолжал Фенг, — я позаботился и о них. В этих горах живут Джаги, первобытное племя охотников за головами. Привлеченные огнем вашего костра, они соберутся с двух сторон равнины и ринутся в ваш лагерь на заре. Они так всегда делают.

К тому времени я, надеюсь, буду далеко отсюда. Если они схватят меня,

— что ж, человеку суждено когда-то умереть, и я верю, что встречу смерть с достоинством и приличиями, достойными моего ранга и культуры. Я уверен, что моя голова станет настоящим украшением в

хижине дикарей Джага.

Так что прощайте, мой милый варвар. Вы простите этому человеку то, что он повернулся к вам спиной в ваши последние мгновения. Потому что ваша кончина вызывает у меня некоторое сожаление и мне не следовало бы наслаждаться этим зрелищем. Если бы вам посчастливилось получить кхитайское воспитание, из вас вышел бы замечательный слуга — скажем, телохранитель для меня. Но дела обстоят так, как они обстоят.

Отвесив в насмешку прощальный поклон, кхитаец удалился в сторону подножия холма. Конана интересовало, собирается ли герцог оставить его пойманным у столба пока он не погибнет от голода и жажды. Если его люди заметят его отсутствие до рассвета, они могут начать поиски. Но тогда, поскольку он выбрался из лагеря, не сказав об этом никому ни слова, они не будут знать поднимать ли тревогу в связи с его отсутствием. Если бы он мог дать им знать, они бы прочесали местность в поисках и быстро бы разобрались с этим маленьким герцогом-изменником. Но как дать им знать?

Снова он бросил всю свою исполинскую мощь против силы, которая держала его прижатым к столбу, но так и не освободился. Он мог двигать ногами и руками и даже немного поворачивать голову в одну или другую сторону. Но его туловище было крепко схвачено железной кольчугой, в которую оно было облачено.

Луна стала светить ярче. Конан увидел, что у его ног и со всех сторон вокруг основания памятника валялись леденящие душу останки других жертв. Человеческие кости и зубы были свалены в кучу как старый мусор; он, должно быть, топтался по ним, когда таинственная сила тянула его к столбу.

При более ярком освещении Конан к своему беспокойству увидел, что эти останки были кое-где обесцвечены. Присмотревшись, он увидел, что кости как будто были изъедены в некоторых местах, как если бы какая-то едкая жидкость растворила их гладкую поверхность, обнажив внутреннюю губчатую структуру.

Он поворачивал голову из стороны в сторону в поисках какого-либо средства для спасения. Похоже, что слова красноречивого кхитайца были правдой, но внезапно он разглядел в причудливых пятнах на каменном столбе кусочки железа, прижатые невидимой силой. Слева от себя он увидел лом, лопату и проржавевшую чашу шлема, а с другой стороне к камню был прижат изъеденный временем кинжал. Он еще раз бросил свою мощь против неощутимой силы…

Снизу донесся жуткий звук свирели — насмешливая, сводящая с ума

мелодия. Напрягши глаза, Конан увидел в переменчивом лунном свете, что Фенг после всего не ушел. Напротив, герцог сидел на склоне холма, у самого его подножия. Он вытащил странную флейту из своих огромных одеяний и играл на ней.

Сквозь пронзительный звук свирели ушей Конана достиг другой, слабый, мягкий звук. Казалось, что он идет сверху. Мышцы на бычьей шее Конана вздулись, когда он поднял голову, чтобы посмотреть наверх; при этом движении острие туранского шлема заскрежетало по камню. И тогда кровь застыла у него в жилах.

Туман, который скрывал вершину пилона, исчез. Свет восходящей луны падал и проходил сквозь что-то бесформенное, неприлично усевшееся на вершине колонны. Оно напоминало огромный кусок дрожащего полупрозрачного желе — и было живым. Жизнь — бьющаяся, раздувающаяся — пульсировала внутри него. Лунный свет влажно поблескивал на его поверхности от ударов, напоминающих биение огромного живого сердца.

4

Оцепенев от ужаса, Конан увидел, как обитатель верхушки монолита выпустил в его направлении струйку желе, ощупывающую столб. Покрытое слизью щупальце скользнуло по гладкой поверхности камня. Конан начал догадываться о происхождении бесцветных пятен на поверхности монолита.

Ветер поменял направление и порыв воздуха сверху донес до ноздрей Конана тошнотворное зловоние. Теперь он знал почему кости у основания столба имели такой странный изъеденный вид. С ужасом, почти лишившим его мужества, он понял, что это желеподобное создание выделяло пищеварительную жидкость, с помощью которой оно поглощало свою добычу. Ему стало интересно, сколько людей за прошедшие столетия стояло на этом месте привязанными беспомощно к столбу в ожидании обжигающих ласк отвратительного чудовища, сейчас спускающегося к нему.

Возможно странная игра Фенга вызывала его на пиршество, или запах живой плоти. Как бы то ни было, оно начало медленный, дюйм за дюймом, спуск по столбу к лицу Конана. Медленно скользя к нему, влажное желе посасывало и пускало слюни.

Отчаяние придало новые силы его схваченным, уставшим мускулам. Он начал метаться из стороны в сторону, пытаясь из последних сил преодолеть хватку таинственной силы. К своему удивлению, он обнаружил, что одним из рывков он переместился вокруг колонны.

Значит, то, что держит его, не лишает его всех движений! Это дало ему пищу для размышлений, хотя он знал, что не сможет таким образом долго уклоняться от этого живого желе.

Что-то кольнуло его в бок кольчуги. Посмотрев вниз, он увидел разъеденный ржавчиной кинжал, на который раньше едва обратил внимание. Своим движением вокруг столба он развернул рукоятку оружия к ребрам.

Верхняя часть руки по-прежнему была прикована к камню рукавом кольчуги, но предплечье и ладонь были свободны. Сможет ли он согнуть руку так чтобы дотянуться до кинжала?

Он с напряжением начал продвигать руку вдоль камня. Рукав кольчуги медленно скрежетал по поверхности; пот струйкой стекал на глаза. Постепенно его напряженная рука продвигалась к рукоятке кинжала.

Издевательская мелодия флейты Фенга доводила его до бешенства, а дьявольское зловоние слизняка забивало ноздри.

Его рука дотронулась до кинжала и через мгновение он крепко схватил рукоятку. Но когда он попытался оторвать кинжал от столба, проржавевшее лезвие сломалось с пронзительным лязгом. Опустив глаза, он увидел, что примерно две трети лезвия, от места, где оно начинает сужаться, отломалось и теперь плоско лежало на камне. Оставшаяся треть по-прежнему торчала из рукоятки. Поскольку в кинжале теперь было меньше железа, которое притягивал столб, Конану удалось страшным мышечным усилием оторвать обрубок оружия от столба.

Осмотрев обрубок, Конан увидел, что, хотя большая часть лезвия пропала, очевидно острые края все же остались. Его мускулы дрожали от напряжения, чтобы удержать орудие от притяжения камня. Он поднес острый край остатка лезвия к кожаному ремню, который соединял половины его кольчуги и начал осторожно пилить крепкую сыромятную кожу ржавым лезвием.

Каждое движение было пыткой. Муки ожидания стали невыносимыми. Его рука, неудобно согнутая, болела и начинала неметь. Древнее лезвие было с зазубринами, тонкое и ломкое; поспешным движением его можно было сломать и остаться беспомощным. Рывок за рывком он пилил вверх-вниз с необычайной осторожностью. Вонь чудовища становилась все сильнее, а посасывающие звуки его движения все громче.

И тут Конан почувствовал как ремень лопнул. В следующее мгновение он бросил все свои силы против таинственной силы, которая держала его в плену. Ремень прошел через отверстия в кольчуге и, наконец, одна сторона ее раскрылась. Ему удалось освободить плечо и руку.

Вдруг он почувствовал легкий толчок в голову. Вонь стала невыносимой и его невидимый противник толкал шлем сверху то с одной, то с другой стороны. Конан понял, что желеподобный усик достиг его шлема и ощупывает его поверхность в поисках плоти. В любой момент едкое вещество может просочиться на его лицо…

Безумным рывком он выдернул руку из рукава неразвязанной части кольчуги. Освободившейся рукой он отстегнул пояс с мечом и застежку на подбородке шлема. И тогда он весь вырвался на свободу из намертво стягивающей кольчуги, оставив саблю и броню распластанными на камне.

Шатаясь, он отбежал от колонны и на мгновение остановился на дрожащих ногах. Освещенный луной мир плыл у него перед глазами.

Оглянувшись, он увидел, что желеподобное чудовище поглотило его

шлем. Сбитое с толку в своих поисках живой плоти, оно выбрасывало все новые щупальца вниз и в стороны, вздрагивая и продолжая поиски в водянистом свете.

Внизу на склоне все играла дьявольская флейта. Фенг сидел на траве склона, скрестив ноги, играя на своей флейте, как будто войдя в какой-то нечеловеческий экстаз.

Конан выдернул и отшвырнул кляп. Он обрушился как нападающий леопард. Он схватил герцога за руки и повалил его на землю; они скатились к подножию холма клубком из дорогих одежд и бьющих рук и ног. Удар в голову сломил сопротивление Фенга. Конан засунул руку в широкий рукав кхитайца и выдернул оттуда цилиндр из слоновой кости с документами.

Потом Конан пошатываясь стал возвращаться на холм, волоча за собой Фенга. Когда он достиг ровной площадки вокруг основания монолита, он поднял Фенга над головой. Увидев, что сейчас должно произойти, герцог издал высокий пронзительный вопль, когда Конан швырнул его к столбу. Кхитаец с глухим звуком ударился об колонну и сполз на землю у ее основания без сознания.

Это был щадящий удар, потому что герцог уже так и не почувствовал скользкого прикосновения обитателя монолита, когда стеклянные щупальца достигли его лица. Какое-то мгновение Конан мрачно наблюдал за происходящим. Черты лица Фенга превратились в смутно различимое пятно, когда покрытое рябью желе соскользнуло на него. Потом плоть исчезла и показались череп и зубы, застывшие в страшной усмешке. Отвратительный монстр по мере еды становился розовее.

5

На деревянных ногах Конан пошел обратно к лагерю. За его спиной, подобно факелу в руке великана, на фоне неба высился монолит, объятый дымящимися багровыми языками пламени.

Высечь огонь с помощью кремня и стали и поджечь трут было делом нескольких мгновений. С мрачным удовлетворением смотрел он как маслянистая поверхность монстра вспыхнула и ярко загорелась и как скорчилось чудовище в беззвучной агонии. Пусть сгорят оба, — думал Конан, — полуобъеденный труп этой предательской собаки и его проклятый выкормыш!

Приблизившись к лагерю, Конан увидел, что не все из собиравшихся спать воинов легли. Напротив, несколько человек с любопытством смотрели на отдаленное зарево. Когда он появился, они бросились к нему, выкрикивая:

— Где Вы были, Командир? Что это за огонь? Где герцог?

— Что зеваете, увальни? — проревел он, подойдя к костру. — Поднимайте ребят и седлайте коней. Надо бежать отсюда. Охотники за головами из племени Джага могут схватить нас, а они будут здесь с минуты на минуту. Они схватили герцога, а мне удалось вырваться. Хасро! Мулай! А ну-ка поживее, если не хотите, чтобы ваши головы висели в их дьявольских хижинах! Надеюсь на Крома, вы оставили мне вина?